

ЛИНГВИСТИКА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

DOI 10.37386/2305-4077-2025-4-45-58

Л. А. Козлова¹

Алтайский государственный педагогический
университет (Барнаул, Россия)

А. В. Кремнева²

Алтайский государственный педагогический
университет (Барнаул, Россия)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИФА КАК ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ МАРГАРЕТ ЭТВУД «ПЕНЕЛОПИАДА»

Объектом исследования статьи являются языковые средства и стилистические приемы, которые позволяют выявить специфику функционирования мифа в художественном пространстве романа М. Этвуд «Пенелопиада» и реконструировать доминантные авторские смыслы, представленные через структуру мифа. В своем романе М. Этвуд следует общей тенденции постмодернистской литературы к демифологизации и дегероизации, используя богатый арсенал художественных приемов, которые позволяют читателям услышать в иронической тональности повествования такую актуальную проблему современности, как место женщины в обществе. Эффект демифологизации и дегероизации достигается с помощью смены тональности повествования с возвышенной на пародийно-ироническую, осуществляемой за счет широкого использования обыденной и сниженной лексики. Основными средствами презентации доминантных смыслов романа выступают аллюзии, образные сравнения, метафоры, деперсонализация и грамматические формы пассивного залога.

¹ Любовь Александровна Козлова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия), член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов. E-mail: lyubovkozlova@list.ru.

² Анна Валерьевна Кремнева – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия), член Российской ассоциации лингвистов-когнитологов. E-mail: annakremneva@mail.ru.

Ключевые слова: миф, архетип сознания, precedentный текст, демифологизация, дегероизация, ироническая тональность

L. A. Kozlova

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

A. V. Kremneva

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

THE SPECIFICITY OF THE FUNCTIONING OF MYTH AS A PRECEDENT TEXT IN MARGARET ATWOOD'S NOVEL "THE PENELOPIAD"

The object of the research in the article is the language means and stylistic devices which enable us to reveal the specificity of the functioning of myth in the artistic space of Margaret Atwood's novel "The Penelopiad" and reconstruct the author's dominant meanings, represented through the structure of the myth. In her novel Margaret Atwood follows the general tendency of the postmodern literature towards demythologization and deheroization, using a rich arsenal of artistic means which enable us to discern in the ironic tonality of the narration such topical issues of reality as the woman's position in society. The effect of demythologization and deheroization is created by the change of tonality from elevated to parodic-ironical, achieved by the wide use of colloquial and low-colloquial words. The main means of representing the dominant meanings of the novel are allusions, artistic similes, metaphors, depersonalization and grammatical forms of the passive voice.

Keywords: myth, archetype of consciousness, precedent text, demythologization, deheroization, ironic tonality

Канонические тексты с каждым следующим продвижением внутри культуры истолковываются заново.

Вяч. Вс. Иванов

Миф как сложный и многоаспектный феномен привлекает к себе внимание специалистов различных областей гуманитарного знания: философов и психологов, этнологов и культурологов, литературоведов и лингвистов, поворачиваясь к исследователю тем аспектом, который находится в фокусе внимания той или иной отрасли гуманитарного знания.

Для лингвиста, занимающегося вопросами взаимоотношения языка и сознания, особую значимость приобретают два аспекта мифа: миф как архетип сознания, конкретно-образный способ мышления и как словесное произ-

ведение, являющееся продуктом такого мышления. Такое понимание сущности мифа восходит к работам А. А. Потебни, который акцентировал познавательную ценность, субстанциональность образов мифа, особо подчеркивая при этом, что миф является продуктом особой формы мышления, закрепленной в слове. Не менее важной в концепции А. А. Потебни является мысль о том, что, будучи продуктом мифологической формы мышления, миф может возрождаться или возникать в любой период истории общества, входить в общественное сознание любой эпохи, а не только той, в контексте которой он появился [Потебня, 1990, с. 284]. Е. М. Мелетинский определяет миф как «запечатленное в образах познание мира», как «образы, закрепленные в слове и ставшие достоянием целого коллектива» [Мелетинский, 1976, с. 4]. Все сказанное позволяет нам определить миф как «сильный» прецедентный текст, представляющий собой художественную модель постижения неизменной сути человека и всего человечества, средство выражения вечных истин и способ художественной организации материала. Будучи архетипом нашего сознания, миф несет в себе то, что психологи прошлого называли эннойя, или энергия человеческого ума, которая питает современную литературу [Кремнева, 2017, с. 237].

По мнению С. Н. Телегина, миф послужил основой для всего последующего искусства, фольклора и литературы [Телегин, 1994, с. 3]. Благодаря своей многосмысленности и вневременности миф обладает способностью к возрождению и переосмыслению в новых культурно-исторических условиях, приобретая новые смыслы и тем самым сохраняя статус наиболее влиятельного прецедентного текста. Каждая эпоха вносит свои коррективы в трактовку мифа, вследствие чего он трансформируется, но не исчезает, оставаясь основой для художественного осмысливания новых проблем и нового опыта с опорой на традиционные источники архетипичных моделей. Американский драматург А. Маклиш, говоря о причинах обращения к мифу в своих работах и современной литературе в целом, прибегает к следующему развернутому сравнению: *“I have constructed a modern play inside the ancient majesty of the Book of Job much as Bedouins, thirty years ago, used to build within the towering ruins of Palmyra their shacks of gasoline tins roofed with fallen stones. The Bedouins had the justification of necessity and I can think of nothing better for myself. When you are dealing with questions too large for you, which, nevertheless, will not leave you alone, you are obliged to house them somewhere – and an old wall helps”* [Mackleash, 1958, p. 5]. (Я построил новую пьесу на основе величественной истории из Книги Иова во многом подобно тому, как 30 лет тому назад бедуины строили среди возвышающихся руин Пальмиры свои лачуги из обломков бензобаков, накрывая их камнями. Бедуины

были вынуждены это делать, и я не могу придумать для себя ничего лучшего. Когда вам приходится иметь дело с вопросами, которые представляются вам слишком большими, но они не дают вам покоя, вам приходится находить для них какую-то форму, и тогда старые стены помогают (Здесь и далее перевод наш – Л.К., А.К.).

Как пишет Н. С. Гребенникова, XX век внес свои корректизы в мифопоэтическое мышление, что нашло свое воплощение в усложненной символике, тяготении к притче, иронии, пародии и смысловой многослойности [Гребенникова, 1999, с. 67–69]. На эту особенность современной литературы указывает Н. С. Олизъко, отмечая, что во многом благодаря мифу как структурной основе произведений постмодернизма и его основному свойству – рекуррентности – происходит сближение высокой и массовой культур [Олизъко, 2018, с. 565].

Примечательно, что параллельно с ремифологизацией происходит демифологизация, дегероизация персонажей мифов, что находит свое проявление в переосмыслинии содержания классических мифов в пародийно-ироническом ключе. Именно на это указывает в своих размышлениях о роли мифа в постмодернистской литературе А. Картер – известная британская писательница и одна из наиболее ярких представителей постмодернизма в англоязычной литературе. А. Картер рассматривает литературу как интертекстуальную систему, которая использует уже существующие материалы для того, чтобы придать им новый социально значимый смысл. Метафорически она формулирует это следующим образом: “*most intellectual development depends upon new readings of old texts. I am all for putting new wine in old bottles, especially if the pressure of the new wine makes the old bottles explode*” (цитир. по: [Seago, 1999, p. 77]) («наиболее сильное интеллектуальное развитие зависит от нового прочтения старых текстов. Я за то, чтобы наливать молодое вино в старые бутылки, особенно, если под давлением молодого вина старые бутылки взрываются»). Эта идея А. Картер нашла художественное воплощение в ее романе “*Heroes and Villains*” («Герои и злодеи»), в котором автор описывает события постапокалиптической эпохи, а прообразами главных героев ее романа служат библейские персонажи.

Обращение к мифу стало одной из особенностей литературы XX века, но при этом способы вхождения мифа в художественный текст и его осмысливание могут быть самыми разными и определяются особенностями литературного направления, к которому принадлежит автор, спецификой его художественного мышления, теми доминантными смыслами, которые находят презентацию в его творчестве. Ярким примером обращения к мифу в контексте современности

и одновременно демифологизации героев древних мифов могут служить романы известной канадской писательницы Маргарет Этвуд, творчество которой относят к постмодернизму. В одном из интервью еще в начале своей литературной карьеры, отвечая на вопрос о том, почему она не претендует на получение Нобелевской премии по литературе, она сказала: «потому что я канадка и потому что я женщина», выражая при этом не столько собственное мнение, сколько бытывавшее в середине прошлого века представление о ее стране как о “cultural backwater” («культурном болоте»). Имена канадских писателей, а тем более канадских женщин-писателей, были неизвестны миру. Она пишет об этом в своем автобиографическом эссе “Great Unexpectations”: “*I wanted to be – no, worse I was determined to be, was convinced I was – a writer. I was scared to death. I was scared to death for a couple of reasons. For one thing, I was Canadian, and the prospects for being a Canadian and a writer, both at the same time, were dim. ...In addition to being a Canadian, I was also a woman*” [Atwood, 1988, p. xiii]. (Я хотела, нет, хуже – я была решительно настроена, убеждена, что стану писателем. Я была страшно испугана. Тому были две причины. Во-первых, я была канадкой, а перспективы стать канадским писателем были весьма туманными. Во-вторых, я была женщиной).

Сегодня можно с уверенностью сказать, что своим творчеством М. Этвуд полностью опровергла бытывавшее некогда мнение о невозможности канадской женщины стать известным писателем. Она широко известна во всем мире как автор многочисленных романов, сказок и поэтических произведений, переведенных на многие языки. Она является лауреатом многочисленных литературных премий, литературным критиком, борцом за сохранение природы и самобытности канадской культуры, активной участницей феминистского движения. Тема женщины и ее места в современном мире находит художественное воплощение во многих романах М. Этвуд и даже в ее живописных полотнах: в ее акварелях находят отражение мифологические образы женщин. Ее литературное творчество можно определить как *message oriented* (содержащее определенный посыл), потому что в каждом из ее романов находят отражение проблемы современности в их художественном осмыслиении. При этом она нередко обращается к древним мифам как способу художественной организации материала своих романов, сказок и поэтических работ (подр. анализ см. в [Wilson, 2000]). Используя приведенное выше сравнение А. Маклиша, мы можем сказать, что мифы служат для нее основой, на которой она возводит новые стены, ставит вопросы, актуальные для современного общества. Сама М. Этвуд выражает эту мысль следующим образом: “*Strong myths never die. Sometimes they die down, but they don't die out...*”

they double back in the dark, they reembody themselves, they change costumes, they change key. They speak in new languages; they take on other meanings” [Atwood, 2005. – URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/columns-and-blogs/soapbox/article/37037-the-myths-series-and-me.html>]. (Сильные мифы никогда не умирают. Они замирают, но не отмирают... они возвращаются в темноте, они перевоплощаются, они меняют одежды, меняют тональность. Они говорят на новом языке, они обретают новые смыслы).

Способы вхождения мифа в художественное пространство произведений могут быть самыми разнообразными: использование мифологических сюжетов, имен,озвучных с именами героев мифов, прямые и скрытые цитирования, аллюзии и т.д. Наиболее полное выражение ее обращение к древнему мифу нашло в романе «Пенелопиада», впервые опубликованном в 2005 году. Этот роман привлек к себе внимание как многочисленных читателей, так и исследователей творчества М. Этвуд. Так, Кирон Ядав, профессор университета им. Дж. Неру (Нью Дели), анализируя роман с позиции бахтинской теории полифонии, подчеркивает тот факт, что смена общей тональности с героической на пародийно-ироническую отражает общую тенденцию постмодернизма к стиранию границ между высокой и массовой культурами [Yadav, 2018].

В статье А. Е. Воротниковой исследуется феминистская стратегия переосмыслиния мифа, реализуемая с помощью таких художественных приемов, как пародия и ирония, психологизация повествования, дегероизация античных образов, анахроническое переключение. Как отмечает автор в результате анализа содержания перечисленных приемов, «в позаимствованную у древнегреческого сказания структуру писательница вкладывает осовремененное содержание, несущее на себе отчетливую печать феминистской идейности, что находит воплощение и в выборе главных героев – бунтующих против мужского миропорядка женщин, и в снижении образа славного воина Одиссея, и в ироничном высмеивании мифологических историй, подернутых патиной патриархатной идеологии» [Воротникова, 2013, с. 254]. В этих словах нетрудно увидеть смысловую перекличку со словами А. Картер о том, что обращение к мифам позволяет современным авторам переосмысливать их содержание и придавать им новый социально значимый смысл, отвечающий потребностям времени.

В исследовании О. А. Федосюк затронут важный аспект творчества М. Этвуд – ее принадлежность к канадской культуре, ее активное участие в борьбе за сохранение культурной идентичности и природы ее страны, что находит художественное воплощение в ее творчестве. Как отмечает автор статьи, в

истории Пенелопы М. Этвуд удалось создать канадскую версию древнего мифа и на ее основе затронуть исконно канадскую тему тесного контакта человека и природы, что находит отражение в использовании образа водной стихии и моря для передачи доминантных смыслов романа [Федосюк, 2018].

Объектом нашего исследования являются языковые средства и художественные приемы, которые позволяют выявить специфику функционирования мифа в художественном пространстве романа М. Этвуд «Пенелопиада» и реконструировать доминантные смыслы, представленные через структуру мифа. При этом мы используем в качестве своеобразного ориентира приведенные выше слова М. Этвуд о трансформации мифов в современной литературе. Начнем с названия, которое, как известно, представляет в сжатом виде смысл произведения и потому рассматривается как одна из «сильных» позиций художественного текста.

Название «Пенелопиада» представляет собой авторский окказионализм, отсылающий нас к широко известной героической поэме Гомера «Илиада», посвященной Троянской войне, поводом для которой, согласно греческим мифам, послужило похищение Парисом Елены Прекрасной, или Елены Троянской. В данной поэме, как известно, Одиссей не является главным героем, Гомер посвятил Одиссею и его верной и целомудренной жене Пенелопе отдельную поэму. Название «Илиада» послужило М. Этвуд удобной формой для создания на его основе авторского окказионализма. В романе «Пенелопиада» история отношений между Пенелопой и Еленой занимает не центральное, но значительное место, поэтому данное название имеет двойную отсылку: как к поэме «Илиада», в которой Елене отведено значительное место, так и к поэме «Одиссея», на основе которой выстроен роман, в котором главным рассказчиком выступает Пенелопа. Как пишет О. А. Федосюк, «Пенелопиада» – «это, пользуясь феминистской терминологией, не *history*, а *herstory*, в которой события подаются с женской точки зрения» [Федосюк, 2018, с. 264]. Несмотря на кажущуюся прозрачность, смысл этого названия может быть интерпретирован двояко: рассказ о Пенелопе, рассказ Пенелопы или совмещение обоих этих смыслов? Нам представляется, что смысл названия может быть интерпретирован как «эпическое повествование о Пенелопе, представленное самой Пенелопой».

Совершая путешествие во времени, Пенелопа из глубины веков обращается к современному читателю со словами “*I'll spin a thread of my own*” (Я сплету свою нить), т.е. представлю свою версию истории Одиссея и Пенелопы. И эта фраза также выражает двойной смысл: своим рассказом она опровергает как гомеровскую версию, так и многочисленные другие версии, в которых она пред-

ставлена далеко не идеальной и верной женой. Не случайно М. Этвуд в своем автобиографическом эссе упоминает известную работу Р. Грейвса «Белая богиня», которая произвела на нее сильное впечатление и во многом определила ее частое обращение к мифологии в своем творчестве. Отдавая должное Грейвсу, не отрицавшему роли женщин в поэзии, она не разделяет его мнения о том, какова эта роль. В своей работе Р. Грейвс отводит женщине роль Белой Богини – божества рождения, любви и смерти, из ритуального почитания которой, по его мнению, рождается поэзия. Согласно Грейвсу, предназначение женщины состоит в том, чтобы служить источником вдохновения для поэта, но не быть творцом. И это главное, с чем не может согласиться Этвуд, заявившая о своей решимости избрать иной путь для осуществления своей мечты – стать писателем, т.е. творцом, а не источником вдохновения для мужчин: “*That would be my life then*” (*И это станет моей жизнью*) [Atwood, 1988, p. xv].

Именно так поступает Пенелопа, предлагая свою версию событий, описанных в поэме Гомера. Как мы отмечали выше, характерными особенностями функционирования мифа в литературе постмодернизма являются демифологизация, дегероизация персонажей мифов, переосмысление содержания классических мифов в пародийно-ироническом ключе. Демифологизация и дегероизация находят свое проявление в том, что описываемые события и их участники представляются как вполне обыкновенные, лишенные героического пафоса, что осуществляется с помощью смены тональности повествования с возвышенной на пародийно-ироническую. Ирония, как однажды заметил Дж. Фаулз, выражает превосходство иронизирующего над иронизируемым [Фаулз, 2002, с. 44]. Характеризуя своего мужа в ироническом ключе, Пенелопа лишает его ореола героизма, называя в качестве его основных черт такие, как умение уходить от ответственности и одурачивать людей (*It was a specialty of his: making fools; he got away with everything, which was another of his specialties: getting away*), лживость и изворотливость (*he was tricky and a liar*), уклончивость, коварство, хитрость, неразборчивость в выборе средств (*his slipperiness, his wiliness, his foxiness, his unscrupulousness*). В его внешности также нет ничего героического и привлекательного, на что указывает такая неоднократно повторяющаяся деталь, как кривые ноги Одиссея, что, как отмечает А. Э. Воротникова, метафорически соотносится с такой чертой его характера, как лживость, за счет ассоциативной связи с известной поговоркой *Lies have short legs* (У лжи короткие ноги) [Воротникова, 2013, с. 252]. Следует, однако, отметить, что в иронии Пенелопы нет злобы, она признает, что своим молчанием поддерживала легенду о героизме мужа, и призывает сегодняшних женщин не следовать ее

примеру: “*Don’t follow my example! I want to scream in your ears – yes, yours! But when I try to scream, I sound like an owl*” [Atwood, 2018, p. 2].

При этом она не лишает Одиссея и положительных черт: он был внимательным и заботливым мужем, пользовался уважением окружающих, к нему приходили за советами, но при этом она заканчивает перечисление его достоинств следующей иронической фразой: “*he had a reputation as a man who could undo any complicated knot, though sometimes by tying a more complicated one*” (он мог распутывать любой сложный узел, хотя иногда завязывал при этом еще более сложный). Пенелопа не стремится представить себя идеальной женщиной, она способна иронизировать над собой, готова признать свою вину за судьбу служанок.

Уже на первых страницах романа заявлена основная тема романов М. Этвуд – судьба и место женщины в современном мире. Эта тема занимает центральное место во всем творчестве Этвуд, несмотря на разницу сюжетных линий, место и время событий, описанных в романах «Телесные повреждения», «Лакомый кусочек», «Мадам Оракул», «Рассказ служанки», «Заветы» и др., доминантные смыслы, связанные с положением женщины, образуют те смысловые скрепы, которые объединяют произведения Этвуд в единый гипертекст о судьбе женщины в современном мире.

В том мире, где живет Пенелопа, судьбу женщины решают мужчины, женщина служит объектом потребления, средством для достижения мужчинами своих целей. Так, из рассказа Пенелопы о ее жизни мы узнаем, что вскоре после ее рождения, боясь предсказаний оракула, её отец приказал бросить девочку в море, но ее спасла стайка уток, и с тех пор слово *уточка* (*Penelope the duck*) стало ее прозвищем. Ее мать, красивая, но холодная женщина, уклонялась от материнских обязанностей (*was elusive*), что, в конечном счете, помогло Пенелопе рано познать все преимущества такого качества, как самостоятельность: “*I was a child who learned early the virtues – if such they are – of self-sufficiency*” [Atwood, 2018, p.11].

Пенелопа стала женой Одиссея в результате сговора между ним и ее дядей, который хотел свергнуть ее отца и изолировать ее будущих сыновей от претензий на трон, т.е. она была средством для достижения мужчинами своих корыстных планов. Это положение женщины в патриархальном обществе передается автором с помощью различных языковых средств, как лексических, так и грамматических. Обратимся к примеру: “*And so I was handed over to Odysseus, like a package of meat. A package of meat in a wrapping of gold. A sort of gilded blood pudding*” [Atwood, 2018, p. 39]. (Меня вручили Одиссею как кусок мяса. Кусок мяса в золотой обертке. Туна позолоченного кровавого пудинга).

В этом предложении обращают на себя внимание образные сравнения, сферой-источником которых служат гастрономические объекты. Гастрономическая метафора (или сравнение) нередко использовалась в патриархальном обществе для описания женщин, что нашло отражение во фразеологическом фонде английского языка (ср. такие ФЕ, как *sugar cookie*, *sweet pie*, *hot honey*, *a bit of jam*). Не менее ярким является и следующее образное сравнение, с помощью которого Пенелопа рассказывает о чувствах, которые она испытывала при появлении на публике в статусе жены Одиссея: “*I felt like a prize horse on the parade, walking in my fancy robes while sailors stared at me and townswomen whispered*” [Atwood, 2018, p. 72]. (Я чувствовала себя, как призовая лошадь на параде победителей скачек).

В своих работах мы уже отмечали [Козлова, 2022], что образные сравнения, наряду с метафорой и метафорическим эпитетом, являются одним из наиболее частотных приемов в текстах М. Этувид и отличаются необычайно широкой палитрой образов, служащих в качестве базы-источника метафор. Так, образ Елены Прекрасной, как было отмечено в начале статьи, занимает второстепенное место в романе, но при этом именно благодаря используемым автором стилистическим приемам, мы можем реконструировать этот образ. Обратимся к примерам: *At this moment my cousin Helen came sailing up, like the long-necked swan she fancied herself to be ... she was intolerably beautiful... Helen strolled away, having delivered her sting. ... She was poison on legs* [Atwood, 2018, p. 33, 35, 79]. (В этот момент подплыла Елена, словно лебедь с длинной шеей, как она себя представляла. Она была невыносимо красивой. Елена отошла, выпустив свое жало. Она была ходячей отправой). В приведенных примерах мы видим прием стилистической конвергенции, т.е. использования нескольких стилистических приемов в одном фрагменте текста, в данном случае сравнения (*like the long-necked swan*), оксюморона (*intolerably beautiful*), метафор (*sting*, *poison on legs*), благодаря которым в свойственной автору иронической манере представляется как образ Елены Прекрасной, так и характер отношений между героями.

Важную смысловую функцию выполняет также частотное использование форм пассивного залога глагола. Так, рассказывая о своей жизни, Пенелопа говорит о том, что вскоре после её рождения отец приказал выбросить ее в море, ее замужество было браком по расчету, и ее вручили Одиссею, как кусок мяса: *When I was quite young, my father ordered me to be thrown into the sea. No matter into the sea I was thrown... My marriage was arranged... And so, I was handed over to Odysseus, like a package of meat* [Atwood, 2018, p. 7, 23, 39].

Рекуррентное повторение форм пассивного залога акцентирует тот факт, что женщина была не субъектом действия, а объектом воздействия. Наиболее ярко это представлено в хоре служанок, рассказывающих о своей участии: они были собственностью хозяев, их могли продать, утопить в колодце, использовать по своему усмотрению, от них могли избавиться, когда они становились непривлекательными, их судьбы были исковерканы: “*We were animal young, to be disposed of at will, sold, drowned in the well, traded, used, discarded when bloomless, ... our lives were twisted*” [Atwood, 2018, p. 67].

Как видим из примера, многократное повторение форм пассивного залога создаёт стилистический прием нарастания (градации), что способствует усилинию экспрессивности и эмоционального воздействия на слушателей (читателей). Примечателен и тот факт, что у служанок нет имен. Говоря о них, Пенелопа употребляет лишь местоимение *they* (*они*), и это несёт глубокий смысл: у служанок нет имени и нет голоса, что создает эффект деперсонализации, акцентирующий их бесправное положение в обществе. Об этом служанки говорят в своем послании, которое представлено в форме видеообращения, адресованного судьям, – приема, с помощью которого М. Этвуд вновь устанавливает связь событий далекого прошлого с современностью. Важную роль в установлении «связи времен» выполняют также многочисленные аллюзии на различных персонажей XX века: Гитлера, М. Монро и др. Поняв, что суд не намерен признать Одиссея виновным в их гибели, служанки призывают богинь возмездия Эриний наказать Одиссея за их смерть и улетают в образе сов – мудрых, но бессловесных созданий, не имеющих ни голоса, ни имен, ни выбора, ни лиц, но обещающих всюду преследовать виновника и призвать его к ответу: “*we had no voice, we had no name, we had no choice, we had one face, one face the same. We took the blame, it was not fair, but now we're, we're all here too, the same as you. And now we follow you, we find you, we call to you, to you, too wit, to woo, too wit, too woo, to woo*”. *The maids sprout feathers, and fly away as owls*” [Atwood, 2018, p. 67].

Введение в структуру романа хора служанок выполняет важную смысловую функцию. Во-первых, это придает повествованию полифонический характер. Во-вторых, что самое важное, используя формат древнегреческой трагедии, М. Этвуд наполняет его новым содержанием, т.е., говоря словами А. Картер, наливает новое вино в старые бутылки, используя для этого фрагменты детских стихов (*pretty maids, all in a row*), разговорную лексику (*to give smb. a pain in the neck*), трансформированные паремии (*spare the rod and spoil the slave*), тем самым следя тенденции постмодернизма к стиранию границ между высокой и массовой культурами. Именно в хоре служанок, представляющих читателям

в пародийно-иронической тональности свою версию древнего мифа, находит наиболее яркую манифестацию стратегия демифологизации и дегероизации, используя которую, автор выражает свое отношение к актуальным вопросам сегодняшней жизни.

Проведенный анализ дает возможность заключить, что, следуя тенденции современной постмодернистской литературы к дефимологизации и дегероизации, М. Этвуд использует гомеровский сюжет для того, чтобы представить на его основе такую актуальную проблему современности, как место женщины в обществе. Эффект демифологизации и дегероизации достигается с помощью смены тональности повествования с возвышенной на пародийно-ироническую, осуществляющей за счет широкого использования обыденной и сниженной лексики. Основными средствами репрезентации доминантных смыслов романа выступают прямые и скрытые цитирования, аллюзии, образные сравнения, деперсонализация и грамматические формы пассивного залога глагола. Перечисленные приемы отражают особенности идиостиля Этвуд и позволяют читателю, обладающему способностью к интроспекции, увидеть за иронической формой повествования те сложные вопросы сегодняшнего общества, которые волнуют М. Этвуд, и в решение которых она стремится внести вклад как своей общественной деятельностью, так и своим творчеством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Воротникова, А. Э.** Переосмысление мифа в романе М. Этвуд «Пенелопиада» / А. Э. Воротникова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 251–255.
2. **Гребенникова, Н. С.** Зарубежная литература XX века: учеб. пособие для вузов / Н. С. Гребенникова. – Москва: Владос, 1999. – 130 с.
3. **Козлова, Л. А.** Образное сравнение и его роль в реконструкции языковой личности автора и персонажа (на материале романа М. Этвуд “Lady Oracle”) / Л. А. Козлова // Когнитивные исследования языка. – 2022. – Вып. № 2 (49). – С. 57–64.
4. **Кремнева, А. В.** Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры: монография / А. В. Кремнева. – Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. – 378 с.
5. **Мелетинский, Е. М.** Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва: Наука, 1976. – 407 с.
6. **Олизъко, Н. С.** Постмодернистский миф с позиций когнитивной семиотики / Н. С. Олизъко // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIV. – С. 564–568.

7. **Потебня, А. А.** Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – Москва: Высшая школа, 1990. – 344 с.
8. **Телегин, С. Н.** Философия мифа. Введение в метод мифореставрации / С. Н. Телегин. – Москва: Община, 1994. – 147с.
9. **Фаулз, Дж.** Кротовые норы: роман / Дж. Фаулз; пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. – Москва: Махаон, 2002. – 640 с.
10. **Федосюк, О. А.** Канадская версия древнегреческого мифа – *Penelopiada* Маргарет Этвуд / О. А. Федосюк // Канадский ежегодник. – 2018. – Вып. 22. – С. 256–272.
11. **Atwood, M.** Great Unexpectations / M. Atwood // Margaret Atwood. Visions and Forms. With an Autobiographical Foreword by Margaret Atwood. Ed. by K. VanSpanckeren and J. Garden Castro. – Southern Illinois University Press, Carbondale and Edwardsville, 1988. – P. XIII–XVI.
12. **Atwood, M.** The Myths Series and Me. Rewriting a classic is its own epic journey / M. Atwood // Publishers Weekly: [site]. – 2005. – November, 28. – URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/columns-and-blogs/soapbox/article/37037-the-myths-series-and-me.html> (10.03.2025).
13. **Atwood, M.** The Penelopiad / M. Atwood. – Canongate Book, 2018. – 199 p.
14. **Mackleash, A.** About a Trespass on a Monument / A. Mackleash // New York Times. – 1958. – December 7. – Section 2. – P. 5
15. **Seago, K.** New Wine in Old Bottles? Angela Carter’s Bloody Chamber of Revised Fairy Tales / K. Seago // Metaphor. – 1999. – №.26. – P. 77–98.
16. **Wilson, Sh. R.** Mythological Intertexts in Margaret Atwood’s Works / Sh. R. Wilson // Margaret Atwood. Works and Impact. Ed. by R. M. Nischik. – Camden House, 2000. – P. 215–227.
17. **Yadav, K.** Multiple Narratives, Much Positionality: an Analysis of Margaret Atwood’s Mythopoeia in *The Penelopiad* / K. Yadav // Literary Endeavour. – 2018. – Vol. IX. – Issue 3. – URL: www.literaryendeavour.org (10.03.2025).

REFERENCES

1. **Grebennikova, N. S.** Zarubezhnaya literatura XX veka: ucheb. posobie dlya vuzov / N.S. Grebennikova. – Moskva: Vlados, 1999. – 130 s.
2. **Faulz, Dzh.** Krotovye nory: roman / Dzh. Faulz; per. s angl. I. Bessmertnoj, I. Togoevoj. – Moskva: Mahaon, 2002. – 640 s.
3. **Fedosyuk, O. A.** Kanadskaya versiya drevnegrecheskogo mifa – Penelopiada Margaret Etvud / O.A. Fedosyuk // Kanadskij ezhegodnik. – 2018. – Vyp. 22. – S. 256–272.

4. **Kozlova, L. A.** Obraznoe sravnenie i ego rol' v rekonstrukcii yazykovoj lichnosti avtora i personazha (na materiale romana M. Etvud "Lady Oracle" / L. A. Kozlova // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2022. – Vyp. № 2 (49). – S. 57–64.
5. **Kremneva, A. V.** Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhetekstovogo vzaimodejstviya v semioticheskem prostranstve kul'tury: monografiya / A. V. Kremneva. – Barnaul: AltGTU im. I.I. Polzunova, 2017. – 378 s.
6. **Meletinskij, E. M.** Poetika mifa / E.M. Meletinskij. – Moskva: Nauka, 1976. – 407 s.
7. **Oliz'ko, N. S.** Postmodernistskij mif s pozicij kognitivnoj semiotiki / N. S. Oliz'ko // Kognitivnye issledovaniya yazyka. – 2018. – Vyp. XXXIV. – S. 564–568.
8. **Potebnya, A. A.** Teoreticheskaya poetika / A. A. Potebnya. – Moskva: Vysshaya shkola, 1990. – 344 c.
9. **Telegin, S. N.** Filosofiya mifa. Vvedenie v metod miforestavracji / S. N. Telegin. – Moskva: Obshchina, 1994. – 147s.
10. **Vorotnikova, A. E.** Pereosmyslenie mifa v romane M. Etvud «Penelopiada» / A.E. Vorotnikova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2013. – № 6 (2). – S. 251–255.
11. **Atwood, M.** Great Unexpectations / M. Atwood // Margaret Atwood. Visions and Forms. With an Autobiographical Foreword by Margaret Atwood. Ed. by K. VanSpanckeren and J. Garden Castro. – Southern Illinois University Press, Carbondale and Edwardsville, 1988. – P. XIII–XVI.
12. **Atwood, M.** The Myths Series and Me. Rewriting a classic is its own epic journey / M. Atwood // Publishers Weekly: [site]. – 2005. – November, 28. – URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/columns-and-blogs/soapbox/article/37037-the-myths-series-and-me.html> (10.03.2025).
13. **Atwood, M.** The Penelopiad / M. Atwood. – Canongate Book, 2018. – 199 p.
14. **Mackleash, A.** About a Trespass on a Monument / A. Mackleash // New York Times. – 1958. – December 7. – Section 2. – P. 5.
15. **Seago, K.** New Wine in Old Bottles? Angela Carter's Bloody Chamber of Revisioned Fairy Tales / K. Seago // Metaphor. – 1999. – № 26. – P. 77–98.
16. **Wilson, Sh. R.** Mythological Intertexts in Margaret Atwood's Works / Sh. R. Wilson // Margaret Atwood. Works and Impact. Ed. by R. M. Nischik. – Camden House, 2000. – P. 215–227.
17. **Yadav, K.** Multiple Narratives, Much Positionality: an Analysis of Margaret Atwood's Mythopoeia in The Penelopiad / K. Yadav // Literary Endeavour. – 2018. – Vol. IX. – Issue 3. – URL: www.literaryendeavour.org (10.03.2025).